

ФЕСЕНКО Эмилия Яковлевна, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и русского языка гуманитарного института филиала САФУ имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске. Автор 56 научных публикаций, в т. ч. 6 монографий (одной – в соавт.), 4 учебных пособий*

АРКТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР В ЖИЗНИ ГЕРОЕВ РУССКОЙ ПРОЗЫ XX ВЕКА

В статье рассматриваются произведения русской литературы XX века, создавшие образ Арктики, и концепция героя, в которых актуализированы ментальные черты русского человека, оказавшегося в экстремальных условиях. Для анализа взяты документальные и художественные произведения, авторы которых зимовали на арктических островах (Б. Горбатов), не раз проходили по Северному морскому пути (В. Конецкий), работали в геологических партиях (О. Куваев) или на дрейфующих станциях (В. Санин). Во всех произведениях сильно документальное начало: в них есть исторические факты, географические описания, сведения о первопроходцах арктических просторов. Их персонажами часто становились реальные люди, а иногда и сами авторы. Герои книг – люди «тихого» мужества, которые проходили «прекрасными и суровыми маршрутами долга и чести». Всех писателей отличает романтическое изображение реальной действительности оттого, что между ними и Севером возникла связь, неотделимая от необходимости описывать не только величие арктических пейзажей, но и «особенность» людей, связавших свою жизнь с Севером (и в частности с Арктикой). В их книгах сложилось в какой-то степени мифологизированное представление о «сильной и капризной» Арктике, с которой люди ведут поединок и выигрывают его.

Ключевые слова: *Арктика, арктический кодекс, психологический портрет, романтизм, лирическая проза, философская проза, пейзаж.*

В конце XX века в мире возник острый интерес к Арктике, которую на протяжении столетий заселяли малые народы Севера и осваивали русские землепроходцы и мореплаватели: на берегах Чукотки и Таймыра не раз находили останки древнерусских мореплавателей и их кораблей. Первооткрывателями северных

земель были поморы и новгородцы. История России и судьба российского государства связана с Арктикой со времен Великого Новгорода. Российский флаг в Арктике устанавливали те, кто прокладывал Северный морской путь и чей вклад в изучение арктических просторов огромен.

---

*Адрес: 164500, г. Северодвинск, ул. Карла Маркса, д. 36; e-mail: emily0509@yandex.ru

В Северном тексте русской литературы XX века актуализированы многие эпизоды подвига человека и Арктики.

Русская литература не могла пройти мимо подвигов первопроходцев Арктики и оставила документальные и художественные свидетельства подвига человека на просторах Арктики. История освоения Арктики предстает в повестях Б. Пильняка, В. Конецкого и В. Санина, в романах В. Каверина и О. Куваева, в рассказах Б. Горбатова и др. Произведения этих авторов отличают дух достоверности и героический пафос. У каждого из этих писателей была «своя» Арктика. Недаром Олег Куваев высказывал такую мысль: «Существует всего три Арктики: Арктика Кнута Расмуссена, Арктика Джека Лондона и Арктика Бориса Горбатова. Все остальные Арктики, в том числе и моя, являются лишь комбинациями этих трех».

Арктика на страницах произведений русских писателей отличалась от Арктики Роберта Скотта, Кнута Расмуссена и Джека Лондона: в них рассказывалось об обычных людях – летчиках и капитанах кораблей, геологах и журналистах, неразговорчивых и мужественных представителях малых северных народов. Все они были людьми «тихого» мужества, одержимые работой, романтики и патриоты, осознающие значимость арктического пространства. Они не пасовали перед трудностями, не поступались своими принципами, достойно проходили «маршруты долга и чести».

Такие люди и стали героями книги Бориса Горбатова. Наверное, поэтому он и назвал ее «Обыкновенная Арктика» (1940). Будучи корреспондентом газеты «Правда», писатель зимовал на о. Диксон в 1935 году и участвовал в перелете по трассе Северного морского пути в 1936 году: Север произвел на него очень большое впечатление. В качестве журналиста он познакомился там с людьми, совершавшими повседневный трудовой подвиг, ставшими прототипами его героев. Многим из них он «передал» свои мысли

и даже приписал некоторые поступки, о чем свидетельствуют записи в его дневниках 1936 года, которые он вел во время зимовки на острове.

Б. Горбатов, готовясь к поездке в Арктику, изучал труды Н.С. Соколова-Микитова и В.Г. Тан-Богораза, читал рассказы о Севере А. Серафимовича и А. Чапыгина; он знал о путешествиях по Северу М. Пришвина. По утверждению Г. Колесниковой, писатель «нашел в Арктике романтику нового, социалистического строя жизни, романтику дружбы, объединяющей зимовщиков, романтику таких, казалось бы, будничных профессий, как “продавец”, “почтальон”, “хирург”. Эта воспетая писателем романтика выросла на реальной почве» [1, с. 127].

Источником этой книги стали события современной писателю жизни, которые он пережил и оценил, хотя в жизни советского Заполярья многое выглядело фантастическим. Горбатов, создавая образ «обыкновенной Арктики», не побоялся в романтически приподнятом стиле рассказывать о людях, совершающих героические поступки, но не считающих себя героями. Под влиянием рассказов Джека Лондона у него сложился образ экзотического Севера, который он сам же и развенчал, считая себя обязанным «писать правду». Не мог он не обращать внимания и на «обыкновенную» северную экзотику, хотя признавался: «Я за экзотику, но понимаю ее иначе. Льды и белые медведи в Арктике – разве это экзотика? Кто же не знает, что в Арктике водятся белые медведи? А вот что там есть трактор, дойная корова, свиная ферма, – об этой экзотике, пожалуй, многие не знают»¹. «Обыкновенная Арктика» в понимании Бориса Горбатова – это преображенный в Советской России край и люди, которые совершали это преображение. Он неоднократно заявлял, что любит писать о «маленьких-великих людях» и «обыкновенных событиях»: «Большой ветер и маленькие люди – вот основа моих произведений, которые я напишу, когда научусь писать...»² Назвав «свою» Арктику

¹Горбатов Б. Обыкновенная Арктика // Горбатов Б. Собр. соч.: в 4 т. М., 1988. Т. 4. С. 169–170.

²Там же. Т. 1. С. 29.

«обыкновенной», писатель давал понять, что рассказывать будет о буднях арктической жизни, о людях, которые служат своему Делу.

Таким был дядя Терень («Большая вода»), в жизни которого смешались «охотничьи дела и крестьянские заботы». Он каждую весну проходил полтора-два километра на о. Диксон, чтобы отправить письма и радиogramмы людей и принести им ответы: «Идти надо... Кто ж другой пойдет?» И «обыкновенный врач» Сергей Матвейч – его заурядность подчеркивал писатель в рассказе «Роды на Огуречной Земле»: он выстроил больницу и однажды «руководил» три часа трудными родами по радио. Хотя на фронте он не раз попадал в сложные ситуации, этот поединок за жизнь был для него очень трудным. Но он знал, что приехал в Арктику «послужить» людям, и он им служил. Наградой ему были слова: «Ну и человечество же вы!»³ Свой поединок со смертью вела «учителька» Таня («Поединок»): двое суток она отгоняла от яранги шамана, который пришел по просьбе больного Таюге стать «помощником смерти», а приехавший врач Сташевский просто удалил Таюге аппендицит. Свой долг выполнял и приехавший на Север Николай Васильевич («Карпунин с Полярны»: «Мне сказала партия: строить порты в Арктике. Я строю. <...> Нам колоритом заниматься некогда»⁴.

Романтика таких людей «была романтикой сопротивления и победы. Их жизнь – жизнью творцов и строителей. <...> Они приехали не старательствовать, не страдать, не подвижничать, – они приехали работать. Они приехали не только осваивать, но и обживать Арктику, как обживают вновь сколоченный просторный дом. <...> Они ни с чем не хотели мириться: ни с природой, ни с лишениями; они затеяли победить их. Льды? Они расталкивали их ледоколами. Пурга? Они пробивали косые завесы снега самолетами. Одиночество? Они подняли в небо радиомачты. Лишения? Они построили

просторные дома, теплицы, бани, больницы, хлева»⁵. Это была проза жизни, но она была наполнена высокой романтикой.

После окончания Великой Отечественной войны «Обыкновенная Арктика» Бориса Горбатова была издана в Германии. Вместо предисловия было открытое письмо немецкого писателя Бернгарда Келлермана: «В Ваших рассказах идет речь тоже об айсбергах, белых медведях, снежных домиках, однако то, что Вы называете “Обыкновенной Арктикой”, предстает перед нами как новый мир, таинственный и волнующий...»

По утверждению Д. Медриша, книга Б. Горбатова «выступает как выражение веры автора в неограниченные возможности человека», как «утверждение красоты и величия того идеала, с высоты которого эти подвиги представляются закономерными, обыкновенными и самому автору, и его “обыкновенным” героям» [2, с. 104].

Романтизм предполагает наличие в художественном произведении оппозиции человек–природа. Горбатов в своей «Автобиографии» писал, что «нет ничего интереснее в книге, чем судьба человека-героя»⁶. В его «Обыкновенной Арктике» гораздо меньше описаний северных пейзажей, чем в произведениях Б. Пильняка, В. Конечного, В. Санина. Когда читаешь, что морозной ночью «великая тишина стояла в мире – такая тишина бывает только на Севере» («Торговец Лобас»), или описание весны в тундре, то начинаешь вместе с дядей Теренем – героем рассказа «Большая вода» – чувствовать запах свежести, слышать звуки весенней капли: «В тундре – весна. Звонят большие и малые ручьи. Со стоном взламываются речушки в горах. Дрожат покрытые тонкой пленкой заморозков рябоватые озера, лужи, купели стоячей, остро пахнущей мхом и землей талой воды.

Вода всюду. Ступишь ногой в мох – и мох сочитя. Тронешь мшистую кочку – и кочка сочитя.

³Горбатов Б. Указ. соч. Т. 2. С. 306.

⁴Там же. С. 417.

⁵Там же. С. 430.

⁶Там же. Т. 1. С. 32.

Станешь робко ногой на ледок – и из-за ледка брызнет вода, звонкая, весенняя. Вся тундра сейчас – сплошное болото. Оно оживленно всхлипывает под сапогами, мягкое, податливое, покрытое желтой прошлогодней травой и нежным весенним мхом, похожим на цыплячий пух.

Весна входит в тундру робко и неуверенно. Останавливается. Оглядывается. Испуганно замирает под неожиданным нордом, ежится под метельным остом и все-таки идет, идет. <...> Уже сполз в лощины снег, но еще не стаял. Уже открылись забереги, но лед еще прочен. Уже появился гусь, но еще нет комара»⁷.

Если у Б. Горбатова – журналиста и писателя – главным в его книге стали люди, строящие новую Арктику, то у капитана дальнего плавания, совершившего не один арктический рейс, Арктика предстает во всей своей первозданной красоте, во всей своей подчас трагической истории – прекрасной, коварной, ведущей свой поединок с человеком. Тематику книг Виктора Конецкого определил его богатый морской опыт: служба на аварийно-спасательных кораблях Северного флота и в Мурманском морском пароходстве. В основе его путевой прозы («Соленый лед», «Вчерашние заботы» и др.) лежат дневники, которые он вел во время арктических рейсов. В этих произведениях он запечатлел и документы морских рейсов, и трудовые будни моряков, и прекрасные, пугающие арктические пейзажи, а также представил свои личные размышления, например рожденные во время его первой встречи с айсбергом: «Они плыли сюда от берегов Гренландии два года. Два года они раздавливали волны и обыкновенные льды. Они презирали ветра и подчинялись только глубинным течениям, потому что сидели в воде на триста метров. Они плыли сюда два года, храня в себе тайны ледникового периода. В них жило эхо голосов пещерного человека. И они слышали последний, предсмертный вопль замерзающего мамонта. <...> Торжественная тишина стояла в рубке. Мы вплывали в храм.

Его куполом были небеса. Айсберг был алтарем. <...> И я все думал о тщетности усилий человечества достичь величия и о том, что мы гости здесь, что планета и мироздание только терпят нас – и больше ничего...»⁸

У В. Конецкого было два звания – русско-го морского офицера и русского писателя. Как утверждал Д. Гранин, в его судьбе и личности «с годами писатель и моряк ужились между собой <...> Литература не стала для него отдушиной, а морское дело не стало средством сбора материала для новой книги. Если он уходит в Арктику, – то потому, что любит свою работу, а если пишет, – то потому, что не может не писать» [3, с. 3–4].

«Внежанровые» произведения В. Конецкого относят к лирической прозе, т. к. в них главный герой помимо портретов персонажей – сам писатель: его книги – это путешествие внутрь себя. Как замечал А. Урбан, «известный писатель, он – не бывший моряк. Он вечный моряк... Постоянный образ его книг – жизнь в чреве кита, то есть скитание по морю в замкнутом пространстве корабля. <...> К Конецкому неприменима банальность “романтик моря” <...> более справедливое определение – “труженик моря”» [4, с. 636]. В своих записках «Морские сны» Конецкий признавался: «Всегда хвастаюсь северным и арктическим прошлым». Морскую работу в своих книгах он показывал и в героическом, и в будничном плане, рассказывая о людях, оказавшихся в разных трагических обстоятельствах, о морском братстве. По названиям глав его книг можно понять, в каких местах он побывал: «Архангельские встречи», «Лабитнанги–Ленинград», «Как я не написал статью об арктическом туризме и что из этого вышло», «Вайгач», «Мурманск», «Тикси», «Улыбка Колымы», «Встреча в проливе Вилькицкого», «Поплывем из Певека в Игарку» и др. В его книгах есть и исторические факты, и географические описания, и воспоминания о первооткрывателях арктических просторов, они наполнены точными наблюдениями.

---

⁷Горбатов Б. Указ. соч. Т. 2. С. 270.

⁸Конецкий В. Вчерашние заботы. Соленый лед. М., 1980. С. 619–620.

Арктика в книгах Конечского очень разная. Если Б. Горбатов назвал цикл своих рассказов о Севере «Обыкновенная Арктика», то В. Конечский одну из глав книги «Вчерашние заботы» – «Необыкновенная Арктика». Казалось бы, нас ожидает некоторое противопоставление этих определений, но этого не происходит. Ничего необыкновенного в рассказанных Конечским событиях нет – только воспоминание о горбатовской книге: «Когда-то читал “Обыкновенную Арктику” – и так, помню, захотелось сообщить Горбатову свой буйный романтический восторг! Вероятно, не следует перечитывать “Обыкновенную Арктику”. Пусть остается прежнее ощущение от книги. <...> А тому, кто действительно приближается к поэтической истине, не дано опьяняться ею. <...> Это уже не романтизм, а высокий реализм, то есть максимальное приближение к красоте и ужасу природы»⁹.

Несмотря на то, что в этом замечании В. Конечский в очередной раз пытается утверждать, что он – не романтик, так же как это не раз делал Б. Горбатов, в это трудно поверить, когда читаешь их книги. Конечно, их героев трудно воспринимать как классических романтиков с их двоемирием «мировых скорбников», одиночеством и неспособностью найти свое место в жизни, но всех их отличает романтическое мироощущение: способность множить Добро, ощущать Красоту, сильная воля, вера в силу духа человека.

Достаточно вспомнить, как Конечский пишет о море, уверяя, что «любовь к морю – детское чувство»¹⁰: «Мое родное Баренцево море шумело и плевало в физиономию мелкой холодной слюной. Я был зол на него. Оно заставило

меня лазать по темным трюмам, из-за него у меня побаливало в груди. И я тоже плюнул за борт»¹¹. При этом море для него всегда – величественное явление природы: «Море соединяет континенты и людей, море – такое же серьезное понятие, как земля, смерть, жизнь и любовь. Я привык думать о море, как о разумном существе. Всегда кажется, что оно знает мои мысли и ведает мои намерения. <...> оно умеет заглядывать в душу, это мокрое соленое существо, которое движется всегда, которое не знает, что такое покой, которое никогда не может удобно улечься в жесткое ложе своих берегов»¹².

А с какой нежностью и мягкой иронией пишет Виктор Конечский о кораблях, которые у него бывают нежными и грубыми, капризными и усталыми, но всегда любимыми: «Ледоколы похожи на безжалостных, перегруженных операциями хирургов»¹³. О кораблях В. Конечский всегда писал как о живых существах: «Истинно говорю вам – лучше самому получить удар в живот. Вот тут-то без всяких натяжек и литературщины ощущаешь свое судно живым, способным чувствовать боль существом»¹⁴; «Три усталых судна покорно и чутко кланяются... как благоговейно кланялись наши языческие предки, когда их заносило в чуждые, но прекрасные миры»¹⁵; «...эта “Арктика”, это атомное сверхсущество, станет мне родной по крови, ибо нас сблизил юмор»¹⁶; «Очень забавно, как чем-нибудь провинившиеся ледоколы начинают говорить по радиотелефону голосом с поджатым хвостом. Вот только что ледокол разговаривал с вами волестальным тоном, сурово вас подстегивал и подкусывал. И вы ему послушно и почтительно внимали»¹⁷. Забавным казалось

⁹ Конечский В. Указ. соч. С. 85.

¹⁰ Там же. С. 569.

¹¹ Там же. С. 452.

¹² Там же. С. 446.

¹³ Там же. С. 270.

¹⁴ Там же. С. 222.

¹⁵ Там же. С. 158.

¹⁶ Там же. С. 146.

¹⁷ Там же. С. 216.

Конечкому и то, с какой целью бегал могучий «Ермак»: «Вид у него такой деловитый, как у собаки, которая трусит через пустынную городскую площадь ночью и которая знать не знает, куда и зачем она бежит, но сохраняет на морде выражение озабоченной деловитости для собственного вдохновения, самоуважения и душевного спокойствия...»¹⁸.

О сложной и опасной работе моряков в Арктике В. Конечкий не мог не писать: шторма, судовые пожары, погрузка тяжелой техники, столкновения с угольно-черными льдинами, трудные вахты, движение в тяжелом льду: «Красив и мощен линейный ледокол “Мурманск”! В ледоколах есть та зверски-зверюгская симпатичность, которая есть в белых медведях. И вот линейный ледокол пятится кормой к маленькому лесовозу, а вдоль бортов у него встают на ребро двухметровые льдины»¹⁹; «Попутное или встречное судно в штилевом безбрежье океана кажется бесплотным мотыльком»²⁰.

В Арктике человек зависим от природных условий, и это создает дополнительные сложности в работе моряков: «Лед, лед, лед, лед, мы идем по Арктике <...> Лед, полынья, лежание в дрейфе. Лед, прибрежная полынья <...> День, ночь, день, ночь – все по той же Арктике...»²¹; «Льды идут за нами с левого борта, то исчезая, то вновь показываясь, как голодные волки за стадом карibu. И точат зубы, мерзавцы. <...> Когда ледяное поле тихо-мирно дрейфует в глубоком летаргическом сне и год, и два, а потом вдруг с полного хода наезжает на него грубиян-ледокол, то льдины встают на попа с таким ошарашенным видом, что вспоминается картина великого Репина “Не ждали”...»²².

Конечкий подмечал, что чаще всего корабли застревали там, где льдины имели песочно-коричневатый оттенок: «Вздорны и упрямы такие льдины. Как бычки-трехлетки. Рябые льды – покорные, как часто бывают и рябые люди»²³. Не отрицая романтики профессии моряка, В. Конечкий знал, что морская работа «полным-полна самоограничений, самообладания, самоконтроля и в силу этого полным-полна скуки и рационализма»²⁴: даже «корабль, вернувшийся после спасательной операции в северных водах, всегда грязен, обросший льдом и производит впечатление смертельно уставшего, небритого шахтера, поставившего мировой рекорд продолжительности работы в вечной мерзлоте»²⁵. На Тикси корабль Конечкого однажды попал в ледовую ловушку: вокруг – «поля толстых, грязных, как неухоженные свиньи, льдин. К счастью, они оказались и такими же рыхлыми, как перекормленные свиньи»²⁶.

Тонким и нежным юмором пронизано у Конечкого лирическое отступление о кораблях, которые носили имена художников: «Караван вышел в Белое море и построился в две кильватерные колонны.

Впереди нас расправил белые усы пены “Гвардейск”, позади дружной компанией пристроились художники “Верещагин”, “Левитан” и “Перов”. Справа бодал высоким лбом влажный воздух “Суриков” и плавно покачивалась “Гавана”.

Верещагин погиб на “Петропавловске”, океан стал его могилой, но вот он вышел из нее и опять качается на бледных волнах белого моря. Ему привычно сейчас.

---

¹⁸Конечкий В. Указ. соч. С. 197.

¹⁹Там же. С. 129.

²⁰Там же. С. 51.

²¹Там же. С. 266.

²²Там же. С. 151–152.

²³Там же. С. 130.

²⁴Там же. С. 226.

²⁵Там же. С. 168.

²⁶Там же. С. 174.

Левитан, вероятно, несколько удивлен и радостно взволнован. Уходит в акварельную дымку зеленый Мудьюг, столько света вокруг, такой простор. И отовсюду, из каждой точки этого простора струится волнистый утренний, бессолнечный северный свет. И чистота тонов, и нежность переливов, и белоснежность неподвижной чайки.

Перову не хватает вокруг сюжетности. Раннее утро в белом море чересчур импрессионистично для него, он строго поглядывает вперед, ему больше понравится в Баренцевом.

Суриков – северный человек, он умеет спокойно смотреть и спокойно ждать. Ему хорошо будет в Карском, когда за бортом появятся первые льдины, с густо-сизого неба рванутся к черной воде злые снежинки и караван повернет к Оби, к берегам его родной Сибири»²⁷.

Все ассоциации, возникающие у писателя, связаны с северными морями, северными пейзажными картинками, с чувствами, которые человек испытывает, оказавшись на северных просторах. Только те, «чьи руки лежат на штурвалах», могут понять и оценить арктический мир.

Философией и лиризмом, тонким юмором пронизаны размышления Конечного о разнице между морем и океаном: «Ледовитый океан – понятие относительное. Северный морской путь проходит по его морям. Сам Ледовитый океан – реальность только для моряков атомных подводных лодок и зимовщиков на СП.

Океан и море – разные вещи. Недаром эти слова разного рода. Океан – мужчина. Море – не мужчина и не женщина. Оно именно “оно”. Море принадлежит океану и является частью его, хотя обязательно имеет свой нрав, характер и свои каверзы. В море моряк мыслит понятиями портов, проливов и мысов. В океане

моряк мыслит понятиями континентов и государств»²⁸.

Природа Севера, и в частности Арктика, всегда потрясала тех, кто оказывался на этих бескрайних просторах. В. Конечный умел наблюдать, как «в безнадежной и таинственной глубине проплывали горы и ущелья, холмы и равнины Атлантического океана», он испытывал счастье от общения с природой. В его книгах встречается много пейзажных зарисовок Севера – точных и выразительных. Они всегда романтические. Природу он одушевлял и одухотворял: «В эту заполярную ночь на черном серебре заштилевшего заполярного моря спали черным сном черные льдины»²⁹; «Полярные чайки знают, что черные огромные существа – корабли – полезные звери, потому что переворачивают льдины, а пока с перевернутой льдины стекает вода, из нее легко выхватывать рыбешку. И потому чайки летят и ждут не дождутся, когда мы пихнем очередную льдину. Перед посадкой на воду у полярных чаек ноги болтаются совершенно разгильдяйски – как пустые кальсоны»³⁰.

Природа Арктики у Конечного всегда величественная, суровая, одухотворенная: «Ночные тучи хотели луну съесть. Они вечно на нее охотятся, крадутся за ней, хитрые и тихие, как шахматы. Их силуэты, чем ближе к Луне, делаются все более хищными, превращаются то в акулу, то в дракона, то в пасть тигра. <...> И бредут по небесам вроде бы без цели. А потом набрасываются на луну и проглатывают ее. В желудке туч луна бледнеет, тончает, нервничает. И мне бывает ее жалко»³¹.

Язык произведений моряка Конечного образный, в нем много эпитетов, сравнений, метафор, олицетворений: «Дельфины – веселые живые торпеды»³²; «Дизель дышал, как усталая собака,

---

²⁷Конечный В. Указ. соч. С. 447.

²⁸Там же. С. 546.

²⁹Там же. С. 276.

³⁰Там же. С. 152.

³¹Там же. С. 567.

³²Там же. С. 575.

и казалось, весь сейнер <...> высунул язык и часто, быстро поводит боками»³³; «Море вокруг было <...> старое, темное и тяжелое <...> И волны были жилисты, как бицепсы старых боксеров. Но их удары были слабы, как удары старых боксеров»³⁴; «Ветер свистнул, и океан передернул мокрой кожей, как передергивает лошадь от удара кнутом. <...> Ветер злился, свирепел и отходил к норду»³⁵.

Писатель-маринист воспринимал природу как художник. Он сравнивал северные пейзажи с картинами великих художников, считая, что «красота льдов при синей воде, штиле и солнце» недоступна живописи, что в картинах Кента, Пинегина, Борисова «нет застывшей сатанинской мощи, иррациональной связи этих краев материка с вечностью и вселенной» и что «красота северных сияний так же недоступна живописи, как и красота льдов при солнце, синей воде и штиле»³⁶. Конецкого потрясали берега Колымы, их «жуткое величие жестокости», их природа, «из которой выморожено добро» и в которой проглядывают «скулы спящего тяжелым сном сатаны», «дьявольские морщины» которого «присыпаны снегом», а вокруг ощущается «неподвижность уже внегалактической вечности». И если человек этого не видел, убежден Виктор Конецкий, «только в России ничего не поймет»³⁷.

Д. Гранин справедливо утверждал, что лучшие страницы книг В. Конецкого следует «причислять к философской прозе» [3, с. 5–6]. И сам писатель к одной из глав своей книги «Соленый лед» в качестве эпиграфа использовал ироническую фразу В. Маяковского: «Кто над морем не философствовал?» Лирический герой В. Конецкого много думает о творчестве, о смысле жизни, о смерти и сохранении памяти о людях, отдавших жизнь Арктике: «И брэнность жизни

и вечность ее отражают северные могилы и бьют по сердцам. В одинокой могиле, которая вознесена высоко над морем, есть величие человеческого мужества. На Севере, в ледяных пространствах, человек сильнее всего доказал, что он может победить даже одиночество»³⁸.

Во всех произведениях, о которых идет речь в статье, выстроена целая система «Арктика – человек», ибо под влиянием Севера происходило нравственное мужание и авторов, и героев их книг. Размышляя над прозой Виктора Конецкого, А. Урбан отмечал в ней «пафос надежды и благородства», «философию романтического противостояния миру», в котором важно иметь волю, цель жизни и совершать поступки. Именно такую «модель характера» своего героя выстроил Конецкий [4, с. 640]. То же самое можно сказать о типах героев Олега Куваева и Владимира Санина.

Эти писатели задумывались над проблемой романтического изображения реальной действительности, стараясь уйти от романтизма, убеждая себя в том, что им это удастся, но уйти от романтического изображения северных, и в частности арктических, просторов им не удалось, т. к. между ними и Севером возникает необъяснимая связь, неотделимая от необходимости показывать не только прекрасные пейзажи, но и «особенность» людей, проживающих на Севере. Сложившееся мифологизированное представление о нем подчеркивает мысль Ю.М. Шпрыгова: «Север производит отбор человеческого материала» [5, с. 42].

Так, в романе О. Куваева «Территория» утверждается, что «на земле “Северстроля” слабый не жил. Слабый исчезал или в лучший мир или лучшую местность быстро и незаметно. Кто оставался, тот был заведомо сильным»³⁹.

---

³³Конецкий В. Указ. соч. С. 467.

³⁴Там же. С. 568.

³⁵Там же. С. 588.

³⁶Там же. С. 223.

³⁷Там же.

³⁸Там же. С. 470.

³⁹Куваев О. Территория // Куваев О. Избранное: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 96.

И не только в физическом смысле, но и в духовном. Именно в этом актуализировался романтический взгляд писателя на своих героев. Б. Горбатов, В. Конецкий, В. Санин так четко не сформулировали свою точку зрения на человека, которого можно было назвать героем своего времени, но концепция их героя зиждется на том же утверждении. Все они создавали легенду о людях, которые нашли смысл своей жизни, множили гармонию в мире, были нравственными максималистами и идеалистами-романтиками. Олег Куваев признавался, что его роман «Территория» – «роман не о Чукотке, не о геологах, а о том, зачем человек живет на земле». Его Сергей Баклаков утверждал: «Мы все обреченные люди. Мы обречены на нашу работу <...> Мы обречены на работу, и это <...> есть лучшая и высшая в мире обреченность»⁴⁰. И Салахов считал, что самое главное – «твое умение работать, твоя ежечасная готовность к работе. И <...> твоя преданность вере в то, что это и есть единственно правильная жизнь на Земле»⁴¹.

В этом романе, по мнению А. Шагалова, обратившийся к северной тематике О. Куваев «сопрягал реализм видения с романтическим повествованием» [6, с. 76].

Олег Куваев не стал гостем Заполярья, а стал одним из первопроходцев арктического пространства. Увлечение книгами Д. Ливингстона, Н.М. Пржевальского, Ф. Нансена, Р. Амундсена, Дж. Лондона, Б. Горбатова и выбор таких героев для подражания, как Павел Корчагин и Алексей Маресьев, не могли не наложить отпечаток на личность этого человека, о котором его друзья говорили: «Олег – романтик по национальности»⁴². Север в своих книгах он рисовал «как землю, исполненную тайны, сакрального смысла» [7, с. 198], как «особую планету, даже менее зависимую от

Земли, чем Луна» [8, с. 42]. В своем «Примечании к маршруту» О. Куваев писал о пространстве Территории как о совершенно особой планете, на которой живут и работают особые люди: «Это страна мужчин, бородатых “по делу”, а не велением моды, страна унтов, меховых костюмов, пург, собачьих упряжек, морозов, бешеных заработков, героизма – олицетворение жизни, которой вы, вполне вероятно, хотели бы жить, если бы не заела проклятая обыденка. <...> Вас ожидает прохладный и влажный воздух, черный и желтый пейзаж, если вы прилетели летом, и некая суровая снежная обнаженность, которую трудно передать словами, если вас затащило туда зимой. <...> Вскоре вы заметите, что люди здесь также отличаются»⁴³. Территория в его романе жила своей жизнью: на ней бушевал «острый ветер», часто «погода начинала беситься». Звуки, окружавшие ее, были связаны с «сиплым ревом ледокола» и ревом океана, который «перекатывал тяжелые волны, будто отлитые из шинной резины».

Пейзажные зарисовки в романе О. Куваева своеобразны, почти всегда связаны с жизнью людей, их настроениями: «В конце зимы или в разгар лета в Городе вдруг начинала беситься погода: ветер сменялся снегом, снег – дождем, дождь – ветром противоположного направления и солнцем. Ртутный столбик барометра прыгал по шкале, точно регистрировал землетрясение»⁴⁴; «В феврале кончилась полярная ночь. Над Поселком стало появляться бледное солнце, улицы изменились. <...> С первородным изумлением жители смотрели на сугробы, соединявшие дома вровень с крышами. В сугробах были пробиты тоннели. Лица прохожих выглядели белыми, как картофельные ростки. Поселок походил на старый, выдержавший штормы корабль»⁴⁵; «Невысокое

⁴⁰Куваев О. Указ. соч. С. 329.

⁴¹Там же. С. 125.

⁴²Горбатов Б. Указ. соч. Т. 4. С. 33.

⁴³Куваев О. Указ. соч. С. 89–90.

⁴⁴Там же. С. 259.

⁴⁵Там же.

солнце вкось освещало тундру. Ночью выпал небольшой снег, снежинки лежали плоскими кристалликами на выстругах, и от их отражения вся тундра искрилась разложенным спектром света. Мягкий сверкающий ковер шел, изгибался по холмам, впадинам долин, обволакивал кустарники и заструги. Жизнь была сказочна»⁴⁶.

Во всех этих описаниях много реалистических деталей, но при этом все время ощущается какая-то таинственная власть Природы над человеком: так, Семен Копков ощутил однажды, что «перед ним – реальность среди реального мира – стояла сопка ярко-красного цвета. На первый взгляд она целиком состояла из киновари. <...> Никто на Территории не думал о киновари и не ждал ее. И вот, пожалуйста»⁴⁷.

Олегу Куваеву удалось в своем романе создать ощущение особого пространства – пространства северной (арктической) земли, дать возможность услышать «голос пространства». Этот его дар сформулировал В. Курбатов: «Кажется, в Территории мы нашли счастливый случай соответствия языка и земли, потому что описание шло через работу, через землеустройство, соединяющее человека и пространство в деятельное целое. Куваев побеждает потому, что пишет простор не в созерцательном отвлечении, а как конкретную землю, которую надо пройти, совладать, освоить: землю, которая истощает, мучает, подстегивает, помогает, вознаграждает, живет, требуя и при чтении нового объема легких, такой же вольной силы восприятия <...> Куваев продолжил лучшие традиции хорошей северной прозы, равно художественной и документальной. Мы все еще не научились слушать ее своим “континентальным”, “материковым” слухом, но теперь этот наш “среднерусский” слух все настойчивее обогащается сибирской прозой, которая еще приведет нас на Север и откроет в русском словаре новую, достойную его просторов даль и свободу» [9, т. 1, с. 57].

Книги В. Конецкого и О. Куваева нужны людям, ибо дают им надежду, что Россия крепка

своими людьми, что в ней живы благородные традиции, настоящая мужская дружба, «тихий» героизм, о котором не кричат громко, но на котором держатся Добро, Честь и Патриотизм. Слова И. Дедкова о романе О. Куваева можно отнести и к произведениям В. Конецкого и В. Санина: Куваев писал о «прекрасных и суровых маршрутах» – «маршрутах долга и чести» его героев, в которых есть «главное, неистребимо светлое, небезразличное для всех нас: остается острейшее сознание своей “жизненной задачи”», словно ты пришел в жизнь под это северное или среднерусское небо непременно зачем-то, и все, что ты несешь в себе, необходимо жизни, всем людям, и ты не смеешь обмануть их ожиданий, не смеешь беречь себя» [10, с. 5].

Владимир Санин в книге «Не говори ты Арктике – прощай!» сам стал ее персонажем, свидетелем описываемых событий, а иногда и участником: вместе с героями своих книг он покорял пики Памира, замерзал на дрейфующих станциях Арктики и Антарктики, совершал сложные перелеты с полярными летчиками, бороздил с моряками моря и океаны. Он не скрывал, что, как и многие его друзья, принадлежал «к великому племени бродяг» – романтиков и авантюристов. За преувеличенную восторженность в описании Арктики, полярников, моряков и летчиков ему не раз доставалось от критиков, но он не побоялся ввести в оборот определение «полярная элита», высоко оценивая подвиги тех людей, которые совершали их во имя России.

В его книгах запечатлена история Севера, судьба многих первопроходцев: «опаснейший поход» со множеством приключений Фритьофа Нансена; «донкихотство» Георгия Седова, исповедующего «безумство храбрых»; «жизнелюбие и мужество Эрнста Кренкеля» и др. Восхищаясь их подвигами, Санин считал себя обязанным рассказать и о тех, чьи имена не были на слуху: о полярном исследователе Николае Урванцеве, открывшем месторождения цветных металлов на

---

⁴⁶Куваев О. Указ. соч. С. 309.

⁴⁷Там же. С. 152.

Таймыре и архипелага Северная Земля; о «полярнике по призванию» Василии Сидорове; о ледовом разведчике, начальнике дрейфующих станций Илье Романове; о человеке «высокого гражданского мужества» Валерии Лукине; о летчике Матвее Козлове, который, спасая людей с тонущих карбасов, совершил фантастическую посадку самолета «на штормовую волну».

Внутренний мир полярника интересовал писателя В. Санина больше, чем арктическая экзотика, хотя он уделял ей в своих книгах немало внимания. Он создавал портреты людей сильных, талантливых, не считающих, что они совершают подвиги, испытывающих удовлетворение от работы в экстремальных условиях и «сознания своей силы»⁴⁸, соблюдающих закон Севера: «Первым делай самую тяжелую работу, последним бери кусок на столе; спасай товарища, если даже при этом можешь погибнуть: помни, что жизнь товарища всегда дороже твоей»⁴⁹.

Творческие искания писателя Санина связаны с поиском героя своего времени, какowymi и являются многие персонажи его книг. Предметом его художественного исследования стали нравственные истоки подвига человека, оказавшегося в экстремальных условиях. Как утверждал Санин, «каждый из главных персонажей книги должен совершить один или несколько Поступков, которые по-новому раскрывают характер персонажа. Персонаж, не совершивший поступок, – неинтересен»⁵⁰.

Он был убежден, что «безумство храбрых» – высшее проявление человеческого духа на всем протяжении бурной истории человечества. Каждый из нас, подумав, припомнит десятки примеров, когда ради светлой идеи люди шли, условно говоря, «с запасом продовольствия в один конец»⁵¹ – на подвиг и на смерть»⁵¹.

Таких людей часто иронически называли «суперменами» или ницшеанскими «сверхчеловеками», но они проверяли себя в поединке с суровой природой, делая все возможное, чтобы на карте оставалось меньше белых пятен: «С ясно осознанной целью они шли – наугад, не зная, какая слава им достанется – пожизненная или посмертная, – а часто и вовсе не думая о такой суетной вещи, как слава. <...> Разве это не прекрасная судьба – идти по проложенной ими дороге все дальше и дальше, крупицу за крупицей добавляя свой опыт к оставленному ими наследству...»⁵² Картины героического труда полярников без ложной патетики, без наигранного пафоса в повести Санина очень убедительны.

Когда знакомишься с характером восприятия Арктики разными писателями – Б. Пильняком и Б. Горбатовым, В. Конечким, О. Куваевым, понимаешь, что она у них предстает величественной и тоскливой, прекрасной и опасной для человека, а в восприятии В. Санина – еще «сильной и капризной». Восприятие Арктики Саниным всегда было разным: обычно в полетах он любовался ее пейзажами, «игрой красок и удивительно похожими на средневековые крепостные стены ледяными торосами», но иногда в этих картинах было что-то тревожное: «Трудно было себе представить, что по этим в клочья разорванным, вздыбившимся льдам могут пройти люди, значительная часть их маршрута казалась непреодолимой»⁵³.

В. Санин часто признавался в своей «очарованности» Арктикой, в том, что находился под сильным притяжением «белого магнита». О чем бы он ни писал: о Ледовитом океане, о Земле Франца Иосифа, об опасных и коварных льдах, – во всем он видел красоту и величие, хотя понимал, что «полярные широты,

---

⁴⁸Санин В. Не говори ты Арктике – прощай. М., 1989. С. 123.

⁴⁹Там же. С. 27.

⁵⁰Там же. С. 34.

⁵¹Там же. С. 180–181.

⁵²Там же. С. 11.

⁵³Там же. С. 166–167.

при всей их первозданности и дикой красоте, позаботились о том, чтобы щедро снабдить обживающих их людей экстремальными ситуациями...»⁵⁴ Хорошо зная опасность льдов, В. Саннин не уставал восхищаться ими: «Сказочной красотой торосы крепостной стеной окаймляли льдину. Их грани сверкали, на них больно смотреть. Как жаль, что этот чудный каприз природы недолговечен, что первые же подвижки льда превратят крепостную стену с башнями и бойницами в груды бесформенных обломков»⁵⁵. Особое отношение у В. Санина было к Земле Франца-Иосифа – оно связано с восторгом от ее загадочности и красоты и с горечью от трагичной истории этого места: «Земля Франца-Иосифа – ожерелье из ста восьмидесяти шести жемчужин-островов, краса и гордость Арктики. <...> И – кладбище разбитых надежд, кораблей и самолетов...»⁵⁶

Однажды Саннин вспомнил С. Лема и ему пришла в голову мысль: «А вдруг безумная идея Станислава Лема гениальна – и не только на Солнечном океане разумен? А если он играет с нами в кошки-мышки, притворяется и заманивает, чтобы через мгновение втянуть в пучину? Ведь такие случаи бывали, и не раз»⁵⁷. Арктика у него – живая, грозная и прекрасная, ведущая свою игру с людьми, которые решили померяться с ней силами: «Не любит она, когда люди самонадеянно полагают, что знают о ней все. Таких она экзаменует с особым пристрастием, и хоть разок, да подловит на ошибке, докажет, что полностью познать полярные широты так же невозможно, как абсолютную истину»⁵⁸. У саннинской Арктики был коварный нрав. Она часто

устроивала человеку «ловушку», попав в которую, он мог заблудиться, т. к. исчезала ориентировка в пространстве: в Арктике «видимость неумолимо убывает, как бальзаковская шагреньевая кожа»⁵⁹.

Саннин одухотворял все явления природы: «Пурга визжала, сваливала с ног»⁶⁰; «белая мгла» (туман) была у него «насквозь фальшива»; «оскорбленная коса долго пряталась в поземке»⁶¹, когда человек искал дорогу; с высоты полета Ледовитый океан казался «приветливым и гостеприимным», но однажды он увидел, как «с каждой секундой океан преображался, словно ему надоело притворство и захотелось быть самим собой: гряды торосов щетинились на глазах, темные полосы оборачивались трещинами»⁶².

Авторы всех художественных и документальных книг, на которых мы остановили свое внимание, рассказывали о первопроходцах Арктики, попавших под сильное притяжение ее «белого магнита». В них актуализирован высокий романтизм сильных людей, живущих по законам чести, нашедших в своей жизни Дело, которому они служат; их ничто не может остановить – ни сопротивление тех, кому приходилось доказывать свою правоту, ни суровая природа. Их дух был силен, и Север им покорялся.

Сергей Михалков в одной из своих рецензий писал, что «стрелка писательского компаса Санина упорно указывает на Север». То же можно сказать о книгах Б. Пильняка и Б. Горбатова, В. Конецкого и О. Куваева, а также всех писателей, для которых Север стал не темой их книг, а их судьбой.

---

⁵⁴Саннин В. Указ. соч. С. 10.

⁵⁵Там же. С. 41.

⁵⁶Там же. С. 183.

⁵⁷Там же. С. 44.

⁵⁸Там же. С. 136.

⁵⁹Там же. С. 124.

⁶⁰Там же. С. 137.

⁶¹Там же. С. 152.

⁶²Там же. С. 38.

Список литературы

1. Колесникова Т. Борис Горбатов. М., 1957. 239 с.
2. Медриш Д. Позиция художника и его мысль (О прозе Б. Горбатова) // *Вопр. лит.* 1959. № 7. С. 89–104.
3. Гранин Д. О Викторе Конецком // *Конецкий В.* Солёный хлеб. Избранное. Л., 1978. С. 3–6.
4. Урбан А. Проза Виктора Конецкого // *Конецкий В.* Вчерашние заботы. Солёный лёд. М., 1980. С. 636–652.
5. Шпрыгов Ю.М. Молодость Дальнего Севера. М., 1984. 320 с.
6. Шагалов А. Олег Куваев. М., 1984. 192 с.
7. Юрина М.А. Особенности стиля ранних повестей О. Куваева // *Идеи, гипотезы, поиск: сб. ст. Магадан, 1998.* С. 195–199.
8. Кулешова Н.Ф. В.Г. Тан-Богораз. Жизнь и творчество. Минск, 1975. 112 с.
9. Курбатов В. Порода и золото Территории // *Куваев О.* Избранное: в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 5–23.
10. Дедков И. Преимущество походной палатки // *Куваев О.* Территория. М., 1985. С. 5–8.

References

1. Kolesnikova T. *Boris Gorbатов*. Moscow, 1957. 239 p. (in Russian).
2. Medrish D. *Pozitsiya khudozhnika i ego mysl'* (O proze B. Gorbatova) [The Artist's Position and Thought (About B. Gorbатов's Prose)]. *Voprosy literatury*, 1957, no. 7, pp. 89–104.
3. Granin D. O Viktore Konetskom [About Viktor Konetsky]. Konetskiy V. *Solenyy khleb. Izbrannoe* [Salty Bread. Selected Works]. Leningrad, 1978, pp. 3–6.
4. Urban A. Proza Viktora Konetskogo [Viktor Konetsky's Prose]. Konetskiy V. *Vcherashnie zaboty. Solenyy led* [Yesterday's Worries. Salty Ice]. Moscow, 1980, pp. 636–652.
5. Shprygov Yu.M. *Molodost' Dal'nego Severa* [The Young Years of the Far North]. Moscow, 1984. 320 p.
6. Shagalov A. *Oleg Kuvaev*. Moscow, 1984. 192 p. (in Russian).
7. Yurina M.A. Osobennosti stilya rannikh povestey O. Kuvaeva [Peculiarities of the Style of Early Novels by O. Kuvaev]. *Idey, gipotezy, poisk: sb. st.* [Ideas, Hypotheses, Search: Collected Papers]. Magadan, 1998, pp. 195–199.
8. Kuleshova N.F. *V.G. Tan-Bogoraz. Zhizn' i tvorchestvo* [V.G. Tan-Bogoraz. His Life and Work]. Minsk, 1975. 112 p.
9. Kurbatov V. Poroda i zoloto Territorii [The Bedrock and Gold of the Territory]. Kuvaev O. *Izbrannoe: v 2 t.* [Selected Works: In 2 Vols.]. Moscow, 1988. Vol. 1, pp. 5–23.
10. Dedkov I. Preimushchestvo pokhodnoy palatki [The Advantage of the Hiking Tent]. Kuvaev O. *Territoriya* [The Territory]. Moscow, 1985, pp. 5–8.

doi: 10.17238/issn2227-6564.2016.4.134

Emiliya Ya. Fesenko

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
36 Karla Marksa St., Severodvinsk, 164500, Russian Federation;
e-mail: emily0509@yandex.ru

ARCTIC VECTOR IN THE LIVES OF THE CHARACTERS OF TWENTIETH-CENTURY RUSSIAN PROSE

This article considers the results of a practical study on the image of the Arctic and deals with the concept of character, which reflects the mentality of Russian people under extreme conditions.

The analysis was carried out on the basis of Russian documentary and literary works of the 20th century. Their authors wintered on Arctic islands (B. Gorbатов), more than once followed the Northern Sea Route (V. Konetsky), worked in geological field parties (O. Kuvaev) or at drifting stations (V. Sanin). All literary works analysed in this article are factual and include geographical descriptions, information on the pioneers in the Arctic, and historical facts. Their characters are real personalities or sometimes even authors themselves. These are people of modest courage who “followed great and hard paths of responsibility and honour”. All the authors create a romantic image of reality in order to describe not only the greatness of Arctic landscapes, but also the key feature of the people who devoted their lives to the North (and to the Arctic in particular). Their books construct a certain mythological image of the “strong and whimsical Arctic”, which people fight with and win.

Keywords: *Arctic, Arctic Code, psychological picture, Romanticism, lyrical prose, philosophical prose, landscape.*

Поступила: 28.04.2016
Received: 24 April 2016